

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Опыт прямого действия в России

Из книги "Дураки и Карнавал. Анархия в РФ"

Аноним

Аноним
Опыт прямого действия в России
Из книги "Дураки и Карнавал. Анархия в РФ"
22 июля 2021

Книга "Дураки и карнавал. Анархия в РФ".
Данный текст прежде всего важен как анализ опыта
практики анархистов в 2010-х годах, а именно практики
прямого действия в рамках Сети Солидарности и
акционизма тех лет.

ru.anarchistlibraries.net

22 июля 2021

Обе акции и сама кампания получились громкими, о них писали довольно крупные СМИ. Публиковались карты России и мира, где отмечались города, в которых были проведены акции – вышло крайне внушительно. Другие, провластные СМИ, начали атаку на нас, обвиняя в терроризме и экстремизме. В общем, теперь нам удалось прорвать информационную блокаду, организованную нашими друзьями-журналистами из «Анархистского Действия». Теперь анархистское движение всё более консолидировалось вокруг нас. И чем дальше, тем больше это злило наших оппонентов. По-прежнему, нас обвиняли во всех смертных грехах. Любимым обвинением было что мы «только листовки клеим» – не смотря на огромное количество более радикальных акций, на масштабные кампании, на борьбу с рейдерами и бандитами. Но даже и листовки, на самом деле – довольно полезная деятельность, и если бы они были правы, и мы занимались бы только этим, то даже это было бы несравненно больше того, что делали все они вместе взятые. Чужие деятельность и успехи всегда злят бездействующего.

Иные группы, напротив, объявляли собственные дни единых действий. Эти призывы так и оставались призывами, никто на них не откликался. Они думали, что достаточно опубликовать призыв, и дальше всё будет сделано само собой. Но это, конечно, не так. Организация кампании – это колоссальный организаторский труд, и одних призывов здесь мало. Анархисты так и не поняли этого, полагаясь на мифическую «самоорганизацию», на русский «авось».

Но, впрочем, всё это было неважно. Всё больше анархистов просыпались от сна бездействия. Всего за год акционизм расшатал это мёртвое болото, пробудил его и теперь активность анархистов захлестнула страну, шокируя силовиков. Это то вскоре и привело к моим злоключениям.

Прямое действие

Мы противопоставляли профсоюзам прямое действие. Находили небольшие социальные конфликты, мобилизовывали на них анархистов и просто неравнодушных людей, организовывали самих пострадавших, и шли разбираться с начальниками и мошенниками как умели. Сторонники профсоюзов презрительно называли нас «тимуровцами», подразумевая, что мы просто делаем добрые дела без какого-либо отклика для движения. Однако отклик, на самом деле, был огромный. Зачастую пострадавшие, которым мы помогали, начинали интересоваться анархизмом или даже сами становились анархистами. Кроме того, мы привлекали радикальную молодёжь. Молодые анархисты получали в ходе такой деятельности важный опыт активизма и конфронтации. Вскоре к нам начали приходить совершенно новые люди, которые до этого не имели никакого отношения к анархизму. Их интересовала именно эта деятельность. В дальнейшем они втягивались в коллектив и проникались анархистскими идеями. Ну, и помимо того, нам создавался очень хороший образ.

Было довольно сложно организовать такую деятельность и привить её анархистам. После раскола, поначалу, ничего не изменилось. Мы также продолжили посещать политические мероприятия, и расходились до следующего раза. За плечами уже был опыт защиты общежитий, но, казалось, никакого развития он не получит. Всё превратилось в тусовку – мы просто собирались по кабакам, и все бахвалились, как они покажут настоящий анархизм этим феминисткам. Я воспринимал такие заявления достаточно серьёзно, и действительно ждал каких-то действий. Но несмотря на все планы на обновление анархизма, ничего не происходило. Слова опять вступали в конфликт с делами.

Я горел идеей организовать бригады из радикальной молодежи, которые противостояли бы бандитам и решали

* * *

Посреди атмосферы страха, вызванной репрессиями, мы не поддались ей и лишь усилили деятельность. Репрессии ставят своей целью подавить анархистское движение, запугать нас, говорили мы. Если мы отступим – то палачи и садисты победят. Мы покажем тем самым, что репрессии – это действенная мера против анархистов. И каждый раз, когда анархисты будут демонстрировать эффективное развитие, нас будут репрессировать. Потому, что это окажется эффективным. Нужно показать, что репрессии вызовут обратный результат.

Мы организовали крупную кампанию против пыток по делу «Сети», в которой приняли участие более двух десятков российских городов. Присоединились и анархисты из других стран. Большой отклик нашёлся в странах Европы и Северной Америки.

Акции стали проводиться ежедневно в каких-то неприлично огромных количествах. По несколько акций в день из разных городов – от одиночных пикетов и уличных агитрейдов, до несанкционированных демонстраций и символических атак на офисы ФСБ. Самые яркие акции прошли в Москве и Челябинске. В Москве мы провели несанкционированный марш под лозунгом «ФСБ – главный террорист» в самом центре столицы, под окнами у главного управления ФСБ. В Челябинске местные анархисты вывесили баннер аналогичного содержания на заборе у местного офиса ФСБ и закинули на его территорию дымовую шашку.

электричеством, он нашёл в себе силы практически сразу отказаться от данных показаний и заявить о пытках.

Эти люди – герои и пример всем нам. Тем отвратительнее, что столь большое количество людей, не подвергавшихся пыткам и преследованиям, испугались и отступили. Что столь большое количество людей оправдывало стукачей, потому что «их пытали». Но ведь Шакурского и Филинкова тоже пытали? И разве это сломало их?

проблемы с начальством. Насилие – это основа молодёжной околополитики. Есть достаточно молодёжи, которой хочется заниматься насилием, и они бьют друг друга и случайных людей. Спрос на насилие всегда будет высок. И любое движение, которое занимается насилием, всегда будет популярным, будет привлекать к себе горячие головы. Почему бы не направить эту жажду насилия против тех, кто действительно его заслуживает? Почему бы избивать не друг друга, но, например, бандитов?

Поначалу это было достаточно тяжело – люди очень скептически относились к моей идее. Старые активисты высмеивали её. От других я слышал, что связываться с криминалом опасно. Я никак не мог понять, чего хотят эти люди. Вроде бы понятно, что политическая деятельность и социальная борьба сопряжены с риском, за них всегда и везде сажали и убивали. Но такие риски неизбежны, если это настоящая борьба, а не субкультурная тусовка. Какой смысл изображать из себя каких-то радикалов, уличных бойцов, ещё кого-то, но пасовать перед опасностями? Вы никогда не сделаете ничего настоящего, если будете бояться.

Впрочем, вскоре мне удалось организовать первую подобную акцию. Первую «жертву» я нашёл через Antijob. Это довольно популярный сайт, на который люди присылают отзывы о недобросовестных работодателях. Я думал, что это довольно удачная площадка – ведь можно не только публиковать отзывы, но и решать трудовые конфликты? К сожалению, Антиджоб связан с «Анархистским Действием». Несмотря на раскол, я был сторонником сотрудничества между разными фракциями анархистов, а потому написал им и обрисовал концепцию деятельности, которой хотел заниматься. Им понравилось. Дали мне контакты пострадавших, которым я принялся писать с предложением помощи.

Откликнулись пострадавшие от действий фирмы «Интелгрант». Эта контора предлагала работу по программе «воркинг трэвел». Схема сводилась к тому, что студенты платили довольно крупные суммы (в районе ста тысяч рублей), после чего их обещали устроить на работу в США или Европе. Конечно, выйти на связь с фирмой после оплаты услуг было уже нереально. И когда я предложил студентам помощь в возвращении денег и наказании мошенников, они согласились.

Вскоре мы с пострадавшими и группой анархистов вломились в офис «Интелгранта» и терроризировали директора фирмы. Бедный перепуганный мужичок в белой рубашке не понимал, что происходит. Он бегал от нас по всему зданию бизнес-центра, безуспешно пытаясь найти защиту у охраны. Приехавшая полиция не стала никого задерживать, но посоветовала обращаться в суд.

Затем мы разместили в социальных сетях фото, имя, фамилию и телефон директора фирмы, с указанием его преступлений и призывом к подписчикам звонить персонажу и спрашивать о деньгах. У мошенника оказались не слишком твёрдые нервы, и он довольно быстро сдался, вернув все деньги. В дальнейшем эта история для него плохо сказалась. Спустя год он заваливал меня звонками, умоляя удалить информацию о нём из интернета. Она разошлась довольно широко, и он не мог устроиться ни на одну приличную работу, где служба безопасности находила эту историю. Продолжать заниматься мошеннической деятельностью он также уже не мог. Даже предлагал деньги за удаление информации. Но мы не менты и денег не берём. Я получил удовлетворение, разрушив жизнь мрази, наживающейся на чужих бедах.

Акция получила определенную известность, и теперь многое изменилось. Те, кто вчера был настроен скептически, теперь были полны энтузиазма. Антиджоб тоже оце-

* * *

Большинство фигурантов «Сети» оказались убийцами, насильниками, наркоторговцами и стукачами. Однако и здесь нашлось место героизму. Из 11 человек, четверо не были причастны к подобным историям.

Один из фигурантов, Илья Шакурский, стал известен в узких кругах ещё задолго до дела «Сети». В своё время, широко разошлось видео, где он, совсем ещё подросток, будучи окружён толпой нацистов в каком-то кафе, спокойно говорит, что является антифашистом, и высказывает правым всё, что о них думают. «Нацисты сосут хуй. Есть ещё вопросы?» – эта фраза получила большую популярность в субкультуре.

Перед задержанием Илья, кажется, стал разочаровываться в игре в подполье, и активно искал взаимодействия с другими группами анархистов. В отличие от большинства «подпольщиков», что относились к любой деятельности высокомерно, Илья был известен как человек дела. Он активно участвовал в самых разных проектах, и никогда не занимал высокомерную позу, характерную «подпольщикам». Он не источал высокомерного пафоса, а действовал вместе со всеми.

Теперь же его пытали током, требуя назвать себя лидером террористов. Дав первоначально соответствующие показания, впоследствии он отказался от них и проявил достаточную твёрдость.

Первым же заявившим о пытках был питерский фигурант Виктор Филинков. Не смотря на страшные пытки

нацистом насилует свою бывшую девушку, сопровождая это унижениями и записью на камеру. Несмотря на это, он остаётся «своим», и продолжает заниматься подобными вещами в других городах.

История изобилует подробными, яркими и грязными описаниями «подвигов» Армана, которые в современном издании «Бесов» могли бы быть представлены сценами в лучших традициях Ирвина Уэлша. Но и здесь ещё можно сказать – в семье не без урода. Низкие поступки Армана никак не должны сказаться на остальных обвиняемых...

Однако вскоре заговорили фигуранты дела, бежавшие из страны, и картина совершенно изменилась. Герои и мученики превратились в монстров. Бывшие товарищи описывали их как авторитарную секту, в которой последнее слово всегда было за Пчелинцевым. Любое несогласие или непослушание несли санкции и дискредитировали ослушавшегося. «Вы все умные, но я умнее», говаривал Пчелинцев. «Кто не с нами, тот под нами».

Выяснилось, что торговля наркотиками была не просто маленьким заработком двух задержанных, но общим делом, при помощи которого финансировалась группа. Наконец, когда силовики задержали троих участников группы (первоначально – по подозрению в торговле наркотиками), «подпольщики» решили убить двух менее надежных товарищей, в которых они не были уверены. Парня и девушку заманили в лес под Рязанью. Девушке перерезали горло ножом, а парню, сказав последнее «извини», выстрелили в лицо картечью. Трупы были найдены там, где указал бежавший из страны участник убийства.

Так, постепенно, юноши со светлыми лицами изменили свой образ до банальных наркоторговцев и убийц. Живи Достоевский в наше время, он сделал бы на основе этой истории замечательный роман.

нил, насколько такие акции эффективны. Мне был поставлен ультиматум – если я хочу сотрудничать с ними и проводить такие акции, я должен держать в секрете, что к этому причастно АДСР, а действовать должен от имени проектов «Анархистского Действия», которое продолжало обвинять нас в фашизме. Оно, кстати, опубликовало и эту акцию от своего имени. Конечно, я отказался от такого замечательного предложения.

Думаю, что если бы Антиджоб занял менее сектантскую позицию и был бы готов к сотрудничеству, то наш проект по борьбе с работодателями удалось бы вывести на массовый уровень. Лишившись базы контактов, нам стало довольно тяжело искать пострадавших от действий работодателей и мошенников. Однако я подолгу мониторил интернет в поисках жертв мошенников. Иногда удавалось что-то находить. Чем больше подобных акций мы проводили, тем больше была наша известность. И, со временем, люди стали писать и обращаться за помощью к нам сами.

Поначалу же добрую службу сослужил нам счастливый случай. Девушку товарища кинули на деньги при трудоустройстве. Я предложил решить проблему способом, испытанным в «Интелгранте». Ворвавшись в офис мошенников, нам удалось добиться возвращения денег. Мы разместили видео в интернете, и нам стали писать другие пострадавшие...

Речь идёт о фирме «Сателлит». Выяснилось, что у неё функционирует большое число офисов по всей Москве. Схема крайне проста. Мошенники забивают сайты поиска работы низкоквалифицированными вакансиями – продавец, курьер, охранник, грузчик и т.д. Откликнувшиеся на вакансию соискатели, придя на место трудоустройства, обнаруживают, что это не прямой работодатель, но кадровое агентство. Где им объясняют, что вакансия существует, но нужно заплатить деньги за услуги. Как правило, сум-

ма небольшая: 300-1000 рублей. Многие предпочитают не запариваться ради возврата таких денег. Но поток соискателей в эти офисы достаточно высок, чтобы у мошенников получалась приличная сумма. С миру по нитке, как говорится. Впрочем, для безработных и студентов, ищущих работу, и такая потеря была довольно ощутимой. Но дальше интереснее – после оплаты соискателя посылают по другому адресу, где с него также требуют деньги под предлогом оформления медицинской книжки, покупки униформы и т.д. Конечно, после оплаты на связь с ним никто не выходит.

Мы вычисляли всё новые офисы по всей Москве, врываются в них вместе с пострадавшими, блокировали их работу, и даже сумели закрыть несколько контор. В конце концов, нас начали узнавать в новых офисах. Когда мы обнаруживали очередную контору, её сотрудники звонили начальству, сообщая что «к нам пришли те самые активисты». Мошенники представляли из себя совершенно разных людей. Где-то это были молодые студенты, где-то обычные офисные сотрудницы. Где-то же откровенные уголовники или огромные быки. Зачастую такие ребята не очень понимали кто мы, и после того, как их убеждали вернуть деньги, звали нас работать вместе с ними. Один особо мерзкий персонаж, типичного зековского вида, говорил нашему товарищу «ты пойми, мы же кого кидаем? Это беженцы с Донбасса, эти крысы с войны бегут!». Иногда мы очень сильно жалели, что нулевые закончились, времена ужесточились и мы не можем более так щедро применять насилие. В нулевые можно было бы избить их арматурами и сжечь офис. Теперь приходилось быть аккуратнее. Жаль – эти мрази, наживающиеся на самых бедных, на находящихся в состоянии нужды людях, которые не имеют устойчивого положения и работы, чтобы прокормить себя

в подвалы местного аналога Лубянки, где пытаются током, пока те не сознаются. Они создали подпольную анархическую группу, тренирующуюся с оружием для подготовки к русскому Майдану.

Но, не смотря на пытки и заключение, юные подпольщики не сдаются. Находясь в одиночной камере под постоянным прессом, Пчелинцев являет из себя идеального революционера, не сгибаясь перед режимом. Он прямо заявляет о пытках, пытается покончить с собой в знак протеста, переживает всё новые и новые пытки, но не сдаётся. Его воля может служить примером всем нам!

В деле появляются стукачи, бывшие товарищи сотрудничают со следствием и сдают подельников, рассказывая суду о террористическом подполье анархистов. Но Дмитрий и его товарищи продолжают бороться из тюрьмы. На воле, тем временем, идёт масштабная кампания поддержки. Ребята становятся символом, жертвами режима. За них вступаются рок-звёзды, журналисты, правозащитники, многие медийные личности, проводятся крупные акции солидарности...

Этот образ омрачается появлением в деле двух наркоторговцев – участников подпольной группы. Ребята делали закладки с наркотиками, распространяли «альфу» – один из самых дешёвых и опасных наркотиков. Но пока что все отмахиваются от этого. Ведь они, вероятно, делали это сами, «автономно» от остальных обвиняемых. Не стоит переносить их грехи на всю группу.

Кроме того, правда, в анархистских кругах говорят ещё об одном обвиняемом – Армане Сагынбаеве. Этот парень болеет ВИЧ, и не сообщал о нём своим девушкам... И вообще, вёл себя с ними довольно жестоко, будучи настоящим тираном. В дальнейшем и его история предаётся огласке. И там, помимо этого, насилие – физическое, психологическое и сексуальное. Так, в Новосибирске он с местным

* * *

Дело «Сети» могло бы стать основой для романа. Динамика развития дела потрясает, превращая его фигурантов из стойких революционеров-мечтателей в монстров. «Бесы» наших дней, не иначе.

Как могла бы выглядеть структура этого романа? Начать бы стоило, пожалуй, издавека, ещё с первой русской революции. Тогда, в 1905–1907 годах, в том же городе Пенза действовал анархист Николай Пчелинцев – однофамилец (а может, и дальний родственник) лидера пензенской группы «подпольщиков» Дмитрия Пчелинцева.

В 1905 году в России вспыхнула революция, погрузившая всю страну на следующие несколько лет в пожар революционного террора. Революционеры атаковали государство повсеместно. Оно отвечало репрессиями. Весной 1907 года Николай Пчелинцев с товарищами атаковали конвой, перевозивший заключенных анархистов. В результате дерзкой атаки заключенные были освобождены и перевезены в Баку. Однако, вскоре взамен арестовали группу Пчелинцева. При задержании анархистами в перестрелке был убит жандарм – и это убийство повесили на 17-летнего Николая. На допросе жандармы переломали Коле все пальцы, забили железной кочергой и выдавили глаз. Несмотря на это, он никого не сдал, и был казнён через повешение.

Такой героический революционный пролог неплохо подготовил бы нас к современной драме, когда ФСБ задерживает в разных частях Пензы юных анархистов во главе с другим Пчелинцевым. Схваченных молодых людей везут

и оплатить своё жильё, заслуживали, на мой взгляд, самых жестоких мер.

Однажды, в очередном офисе, был встречен совсем интересный персонаж. Он приехал из Самары на заработки в Москву. По объявлению пошёл снимать квартиру. Наткнулся на мошенников – заплатил деньги, получил адрес. Приехав, понял, что адреса не существует. Пошёл по объявлению устраиваться на работу. Заплатил деньги за трудоустройство, вышел из офиса. Понял, что его кинули. И вот стоит он, парень из Самары, посреди Москвы. Без денег, без жилья, без работы. Не знает, что теперь делать. И тут к офису подходит толпа анархистов. Конечно, после посещения «Сателлита», который любезно согласился вернуть ему деньги, следующей целью стал визит в контору мошенников, что кинули его по поводу жилья. Там суммы, на которые кидают, более крупные, и соответственно ребята сидят более серьёзные. Какие-то огромные мужики. Но после общения с анархистами тоже любезно согласились вернуть деньги.

Этот мигрант из Самары очень обрадовался, конечно, что встретил анархистов, и в дальнейшем всегда был рад оказать посильную помощь. На самом деле, нам удалось помочь довольно большому количеству людей, многие из которых существенно изменили своё мнение об анархистах. Или даже стали ими. Мы никогда не скрывали своих взглядов, и объясняли причины существования таких контор в капитализме, доходчиво разъясняя, как одно связано с другим.

Примерно тогда мы создали отдельный проект под борьбу с мошенниками, работодателями и квартирными рейдерами. Он и получил название «Социальное Движение». На медиа-страницах «Соцдвижа» мы прямо указывали, что являемся анархистами, объясняли наши

взгляды и принципы, и давали ссылку на анархистские ресурсы.

Мы всегда руководились анархистскими принципами прямого действия, и никогда не обращались к государству, судам или полиции, полагаясь вместо этого на солидарность простых людей. Это правильно не только в рамках анархистской логики, но и просто рационально – объединившись, группа граждан скорее сумеет повлиять на преступную банду или конкретного босса, чем на государственный аппарат, заставив его принимать нужные нам законы и решения. За бандой или боссом стоит гораздо меньшая сила, чем за государственными инстанциями. За непонимание этого простого факта мы критиковали тех же феминисток. Вместо их пикетов за принятие того или иного закона мы даже хотели организовать аналогичный проект по борьбе с домашним насилием через самоорганизацию и прямое действие, но, к сожалению, у нас не хватило на это организационного ресурса.

В дальнейшем мы расширили свою деятельность. Вслед за «Сателлитом» мы нашли конторы других мошенников. У нас появилась определенная репутация, и люди уже стали писать нам сами с просьбой о помощи.

Схема наших действий была проста. Большой толпой мы вламывались в офис к мошенникам или нехорошим начальникам. Зачастую уже одно это приводило их в ступор. Тем более, что в конце концов у нас выработался собственный стиль. Ребята в черных одеждах, многие бритые и бородатые, часть по скиновской моде, вваливаются большой толпой в офис. Бандиты решали, что мы конкурирующая банда. Работодатели либо воспринимали нас как толпу скинов, либо вовсе принимали за рэкетиров. Это вызывало когнитивный диссонанс – девяностые ведь уже давно закончились.

работы ФСБ перенесла на русскую молодёжь, и это то и стало возмутительным.

Следом заговорили и пензенские обвиняемые. Выяснилось, что их подвешивали вниз головой, и пытали электричеством. Теперь они пытались отказаться от данных ранее показаний – и за это их пытали снова.

Обвинение было действительно фантастическим. ФСБ заявило о разоблачении террористического подполья анархистов, имеющего отделения в Пензе, Питере, Беларуси и Москве. Подполье, якобы, собиралось взорвать мавзолей Ленина и провести теракты к выборам президента весной 2018 года, и чемпионату мира по футболу летом того же года. Позже станет известно, что на роль руководителя московской группы «Сети» (так спецслужбы окрестили мифическую организацию) был назначен я. Что было довольно абсурдно, так как я в принципе занимался совсем другой деятельностью, и вместо того, чтобы бегать по лесам, играя в страйкбол, организовывал социальные проекты. Никакого отношения к этим кругам я не имел. Впрочем, вскоре из-за поднявшейся шумихи и общественного возмущения ФСБ прекратило расширять дело, ограничившись лишь питерской и пензенской ячейками.

* * *

Началось всё с наркотиков. На хранении и торговле наркотой погорели пензенские «подпольщики». Один из задержанных за наркоту поспешил выдать ФСБшникам всё «подполье», чтобы облегчить своё положение.

Осенью 2017 года – аресты антифашистов-страйкбольщиков в Пензе. Ребят сразу начали, что называется, допрашивать с пристрастием. Пытали электричеством. Родственники и защита не слишком хотели предавать этот факт огласке, а потому пыткам ничто не препятствовало на протяжении нескольких месяцев. Конечно, за это время они дали показания, которые от них требовали, сознавшись в организации террористической группы.

Начались повальные обыски среди антифашистов по всей стране. ФСБ хотели слепить всероссийскую террористическую организацию, и каждый, к кому они приходили, боялся сообщать публично об обысках, опасаясь, что это скажется на его приобщении к делу. Так, на протяжении нескольких месяцев, спецслужбы при полной тишине тор-мошили безмолвных и запуганных антифашистов.

В январе 2018 – новые задержания. На этот раз в Питере. Питерские ребята, в отличие от пензенских, молчать не стали и заявили о пытках. Это произвело эффект мед-дийной бомбы – спецслужбы похищают молодых людей и пытаются электричеством, заставляя сознаться в терроризме. Раньше такое было возможно только по отношению к кавказцам или мигрантам из Средней Азии, на которых русским людям плевать. Теперь террористические методы

Хуже всего, если негодяи вели себя спокойно и уверенно. В этом случае они не совершали никаких ошибок. А нам было скучно оккупировать их офис. Всё-таки, многие шли на такие акции не только из желания сделать доброе дело, но и из-за драйва. А просто сидеть часами в душном офисе – удовольствия мало. Гораздо лучше, когда злодеи начинали впадать в панику, совершать ошибки, истерить и кричать, проявлять агрессию, пытаться убежать. Тогда и нам было весело, и получалось отличное шоу – мы снимали всё происходящее на камеру. Это было нужно как в целях создания агитационных видео, так и оказания давления на злодея. Но что самое важное – это защищало нас от необоснованных обвинений.

Ведь зачастую мошенники искали защиту от нас у полиции. Если приезжал наряд, мы не били себя в грудь, что мы какие-то активисты. Некоторые ребята, которые пытались воспроизвести наши акции, делали так, и закономерно уезжали в отделения. Если активист – значит, уже виноват. Ещё, может, и экстремист какой. Мы же просто представлялись недовольными клиентами, которых кинули, либо друзьями обманутых работников. Объясняли мусорам суть обмана. После этого менты, как правило, становились на нашу сторону. Они видели не активистов или бандитов, но просто обманутых работяг, и без приказа от начальства даже испытывали что-то вроде рабочей солидарности с нами. Но для нас то они всё равно оставались мусорами, и мы не прибегали к их помощи. Тем более, что и помочь они никак не могли – во всех ситуациях разводили руками и советовали обратиться в суд.

Впрочем, иногда получалось смешно. Так, приехав выручать мошенницу, запершуюся в офисе, полицаи, чуть разобравшись в ситуации, очевидно начали симпатизировать нам. Вывели кидалу из запертого офиса на улицу, и сказали, что на этом их полномочия заканчиваются. На

мольбы мошенницы увезти её отсюда на машине они лишь улыбались и отвечали, что не имеют таких полномочий. В итоге кидала была вынуждена добираться домой в полной панике, под наше улюлюканье и преследование. Улыбающиеся мусора лишь смотрели нам вслед.

Если в ходе оккупации офиса решение о возврате денег не было принято, мы начинали оказывать психологическое и экономическое воздействие. Тем же вечером размещали личные данные, адрес и номер телефона негодяя в социальных сетях и призывали людей названивать ему с вопросом о деньгах. Если и это не помогало – блокировали работу офиса. Как правило, ставили одного человека одиночным пикетом прямо у офиса, и еще нескольких человек с листовками плюс небольшая группа поддержки неподалёку. Контора не могла работать в таких условиях. Попытки физически разогнать одиночный пикет пресекались группой поддержки. А менты одиночный пикет разгонять не спешили – по закону его и согласовывать не нужно. В общем, более выгодно вернуть деньги, чем терпеть убытки от простоя работы предприятия.

Мошенники и работодатели неоднократно писали заявления на нас и меня лично по самым разным обвинениям. Согласно заявлениям, я был рэкетиром, бандитом, избивал людей... Но разве кто-то скажет, что мы делали что-то плохое?

Такая ситуация, когда бандиты пишут на тебя заяву, рассматривалась нами как единственная, при которой допустимо написать заявление в ответ. Ответное заявление здесь служит лишь средством защиты. Увидев два встречных заявления, полицаи, скорее всего, откажут обоим и посоветуют обращаться в гражданский суд.

Помимо очень большого количества своих ребят, я постоянно находил желающих участвовать в такой деятельности через социальные сети. Люди очень хорошо откли-

партизанскую войну. Эти подвиги были очевидно выдуманы, и вскоре среди активистов «подпольщики» стали восприниматься в довольно комическом ключе. Тем более, что порой те заявляли о своей причастности к реальным акциям, к которым они, в действительности, не имели никакого отношения. Когда до меня доходили пущенные ими слухи, что они причастны к какой-то акции, проведенной мною и моими товарищами, я лишь улыбался, но молчал.

Впрочем, цену они себе так набивали, вовлекая субкультурных ребят в «подпольные группы». Как и все анархисты, они могли объединяться лишь вокруг фюреров, создающих себе авторитет мифами о «реальных делах». Последователи же, вкушая этот пафос, могли почувствовать себя причастными к какому-то боевому подполью, и удовлетворить эго, поставив себя над окружающими. Даром что боевых акций это подполье не проводило.

В десятиные годы среди анархистов распространялась идея о том, что нужно, условно говоря, «не ждать, а готовиться». Все оставили какую-либо политическую деятельность. Многие ушли в спорт, или начали тренироваться обращению с оружием. Само по себе это прекрасно, но вкупе с отказом от публичной деятельности и пропаганды, всё стало напоминать закрытую секту. Это капля в море, которая ничего не сможет сделать ни против силовых структур, ни против нацистов. Без массового движения, без популярных медиа, без постоянного притока людей, все тренировки бессмысленны. Они могли пополнять свои ряды только за счёт уже имеющегося движения, вербовать людей оттуда. Зачастую, эти люди были весьма сомнительного качества.

К тому же, изолировав себя от какой-либо деятельности, человеку становится психологически сложно перейти к делу, когда это требуется. Становится психологически сложно противостоять силовикам после ареста. Ребята, по сути, стали обычными страйкбольщиками. Если бы они вместо этого вложили свои силы на протяжении этих лет в какую-то реальную деятельность, то, вероятно, добились бы гораздо большего. Они могли бы привлечь больше людей, создать инфраструктуру движения, какие-то значимые проекты. Так – очередное потерянное десятилетие. Идея без дел мертва.

«Подпольщики» превратились в субкультуру, занятую мелким криминалом («добыть деньги на революцию») и тренировками в лесу. С конспирацией всё было ещё хуже – эти ребята, как правило, рассказывали о своих мелких криминальных делах первому встречному. «Мы не занимаемся всякой ерундой, и не клеим листовки» – презрительно говорили они. «Мы делаем реальные дела». После чего следовал полный расклад по криминальным делам или же фантазии «подпольщиков», в которых они уже вели

кались на неё. Однажды, к нам инкогнито пришли даже два нациста, которые после оставили «рецензию» на нашу деятельность на каком-то нацистском паблике, в духе «шавки то, оказывается, не такие плохие ребята, здоровые дела делают». Естественно, на тот момент я не знал, что эти люди являются нацистами.

* * *

Сеть

Довольно быстро наши методы попытались перенять другие коллективы. Было создано много проектов, аналогичных «Социальному Движению». Внутри АДСР к таким методам стали прибегать и группы из других городов. Правда, порой они могли допускать ошибки – обозначить себя как активистов, развернуть на акции баннер «Социальное Движение». Естественно, приехавшие мусора воспринимали их как экстремистов и забирали в отдел. Тем не менее, иногородним товарищам удалось провести несколько успешных акций, добиться возвращения денег обманутым работникам.

Наиболее крупную попытку создать свой аналог «Соц-движа» предпринял Антиджоб. У него было большое преимущество перед нами – огромная база контактов обманутых работников. Но не было всего остального... Ребята попытались скопировать лишь форму, не восприняв анархистских принципов прямого действия, которыми мы руководились. Получилось не очень. Созданная ими «Сеть Солидарности» действовала в Москве и Питере.

В Москве они довольно быстро разочаровались в таких методах, не сумев толком их применить. Посетив бар, в котором не выплачивали заработную плату работникам, они просто передали письмо с просьбой выплатить зарплату и ушли. Конечно, после такого эффект внезапности был потерян. Когда они пришли в следующий раз, охранник бара просто попросил их покинуть помещение. Они подчинились. Попробовали блокировать работу бара пикетом

жили вместе, и таким образом постоянно находились на связи, я мог её консультировать по всем вопросам и делегировать многие обязанности. В дальнейшем московская группа становилась всё более самостоятельной, и в какой-то момент я начал с удовлетворением замечать, что на её функционирование мне приходится тратить всё меньше сил и времени.

– но зачем-то подали уведомление в префектуру. Конечно, там им отказали. Обнаружив свою неспособность заниматься такой деятельностью, ребята прекратили попытки. Реформистские, легалистские методы вновь показали свою несостоятельность.

В Питере «Сеть Солидарности» была гораздо эффективнее. Но проведя серию удачных акций, в конце концов они столкнулись с работодателем, который просто нанял футбольных фанатов. Те напали на активистов, которые сразу принялись угрожать заявлением в полицию – ситуация, позорная для анархистов и совершенно неприемлемая для нас. После этого ребята, видимо, были подавлены морально, и более подобных акций не проводили.

Реформизм, легализм и неготовность к насилию и лишениям никогда не оказываются эффективны.

Борцы с рейдерами

агитрейда, замазав квадратиками цензуры ссылку на наш сайт, размещенный на листовках. Публиковали и более серьёзные акции с пометкой их как своих.

В августе уже 16 российских городов приняли участие в международной кампании в поддержку заключенных анархистов.

В октябре – акции против контор микрокредитования. В декабре – против роста тарифов ЖКХ, в поддержку дальнобойщиков, и участие в международном дне против государственного террора. Разнообразие акций всё росло – так, например, в поддержку бастующих против системы «ПЛАТОН» дальнобойщиков в Москве была перекрыта дорога у офиса системы, а в Питере и Челябинске офисы были закрыты замками и монтажной пеной. И это не говоря об одиночных акциях, вне рамок кампаний. В Москве, например, в столетний юбилей революции провели небольшую, но яркую уличную демонстрацию в центре Москвы, с большим количеством пиротехники и армейских дымовых шашек. Кроме того, не забрасывали мы и социальную деятельность против мошенников и рейдеров. Рассказать обо всех акциях и визитах к мошенникам было бы излишне долго, наверное.

В январе 2019 года в антифашистских акциях, приуроченных к годовщине убийства нацистами антифашистов Станислава Маркелова и Анастасии Бабуровой, приняли участие уже 19 городов.

Многие из акций получили заметное распространение, десятки тысяч просмотров, что для анархистов было фантастическим уровнем. Количество акций и групп всё росло. У меня же возникло много новых забот – координация этой межгородской сети, посещение других городов для знакомства с местными группами, организация кампаний. Московские дела всё больше отходили под опеку моей девушки – Саши. Это было довольно удобно, в плане, что мы

сего обсуждали судьбы мира. Туда же съехались и протестующие со всего мира анархисты, коммунисты и прочие леваки. В результате атаки полиции на мирную демонстрацию в городе вспыхнули мощнейшие беспорядки, подавлять которые, в конце концов, пришлось вооруженному огнестрельным оружием спецназу. За время беспорядков были ранены полтысячи полицейских, городу причинён ущерб на 12 миллионов евро. Протестующими были атакованы полицейский участок, отель, в котором остановился Владимир Путин, и прочие нехорошие объекты. 51 протестующий задержаны (включая двух россиян). Им грозило до 10 лет лишения свободы, но в результате всемирной кампании солидарности, большинство вышло на свободу.

Кампанию в России организовывали мы. Акции прошли уже в десятке городов, во многих из них анархисты посетили немецкие дипломатические объекты, где оставлены граффити, или проведены яркие несанкционированные акции. Так, например, в Москве провели небольшую, но яркую демонстрацию возле немецкого визового центра. Изначально хотели у немецкого посольства, но после появления нашего призыва, у него начали дежурить мусорские тачки. Мы не растерялись и нашли новый объект.

Почему-то, уже на этом этапе мы подверглись озлобленным нападкам диванных анархистов. Первоначально нас обвиняли в том, что мы вообще проводим эту кампанию. Затем – столь типичные комментарии к агитрейдам в духе «ну да, нанесли надписи на стене, теперь точно революция случится». Комментаторы, впрочем, революцию тоже не сделали, зато те ребята, что «наносили надписи» в дальнейшем уже, поднаторев, проводили акции посерьезнее, создали местные группы и влились в активистскую сеть, которая всё продолжала расти. Со временем эти акции стали появляться на том же «Анархистском Действии». Доходило до смешного – так, они опубликовали отчёт с

Другим интересным направлением нашей деятельности была борьба с квартирными рейдерами. Отчасти это напоминало защиту общежитий, но в меньших масштабах.

Суть проблемы заключалась в следующем. Зачастую, у квартиры может быть несколько собственников. Например, одна восьмая часть вашей квартиры может принадлежать дальнему родственнику. Или же квартира может достаться в наследство нескольким детям старого собственника, каждый из которых будет обладать долей жилья. В этой ситуации, по закону, прежде чем выставить свою долю на рынок, собственник должен предложить выкупить её, в первую очередь, другому совладельцу. И лишь потом, в случае отказа, уже может предлагать долю другим возможным покупателям. Но вот по поводу того, чтобы подарить свою долю кому-то, в законе ничего не сказано...

В результате один из собственников может просто «подарить» свою долю бандитам за денежное вознаграждение. После чего бандиты приходят в квартиру и объясняют жильцам, что им принадлежит часть квартиры. И предлагают альтернативу – или выкупайте долю по цене, выше рыночной. Или продаём квартиру и делим деньги. Конечно, никто не горит желанием продавать своё единственное жильё. И после этого начинается интересное: рейдеры выламывают двери, ломают мебель, избивают жильцов арматурами, вселяют туда каких-нибудь алкашей или бандитов. В общем, не дают жить спокойно. Приехавшая полиция разводит руками и говорит: «они тоже собственники, обращайтесь в суд».

И вот тут и появляемся мы. Мы успокаиваем рейдеров, как умеем. В случае необходимости – организовываем дежурства на квартирах.

Первую такую квартиру нашёл товарищ вскоре после ситуации с общежитиями. Жить там хозяину квартиры было невозможно, так как его регулярно подкарауливали

рейдеры и нападали с арматурами. Примерно раз в неделю они пытались ворваться и в квартиру. Выламывали дверь, а один раз, кажется, даже попытались влезть в окно при помощи какой-то строительной техники (а это был этаж, кажется, девятый). Потому квартира была отдана на попечение анархистам.

К тому времени я уже имел большое количество всевозможных организационных обязанностей. Организовывал борьбу с мошенниками, демонстрации, собирал людей на мероприятия, занимался медиаресурсами, чем-то ещё... Многие товарищи также были заняты во всевозможных проектах, а потому сидеть безвылазно в этих квартирах мы уже не могли. Тем более, что со временем количество квартир увеличивалось, и требовалось всё большее число дежурных. На первую квартиру просто заселили симпатизирующую нам субкультурную молодёжь. В будущем организовывали заселение людей следующим образом: просто размещали объявление на наших ресурсах что есть пустая квартира, въезжайте кто хотите. Бесплатно. Бонусом идут приключения – в эту квартиру время от времени ломятся вооруженные быки, потому необходимо постоянно там находиться. В общем, идеальное предложение – жилплощадь в столице и насилие абсолютно бесплатно. Желаящие всегда находились.

Поначалу, мы просто время от времени, примерно раз в неделю, навещали обороняемое жильё. И во время очередного визита поняли, что здесь что-то не так. Стены оказались изрисованы неприличными надписями и рисунками. Мне больше всего запомнился коловрат из х*ёв, намалеванный на стене. В самой квартире обитало большое количество какой-то живности. Кажется, там было две белки, маленькая собачка, взрослая кошка, котёнок и кролик. Животные были на редкость тупые и ходили в туалет где придётся, несмотря на стоящий здесь лоток. Лишь

* * *

Первоначально, зимой 2017, в акционистских кампаниях участвовали, кажется, всего три города. Тогда ещё, по большому счёту, это были просто трафаретные рейды. Однако нам повезло – мы пытались делать лозунги как можно ярче, и довольно быстро следы наших агитрейдов разлетелись по пабликам-миллионникам.

Весной возрос географический охват акций – теперь это было что-то около десятка городов. Помимо агитрейдов, также вывешивались баннеры в людных местах на актуальные темы, проводились арт-акции, вроде повешения чучел чиновников, а также акции порадикальнее. Например, в Москве анархисты с весны 2017 года регулярно навещали посольства стран, репрессирующих анархистов. Какие-то посольства закидывались дымовыми шашками, а в каких-то ограничивались вывешенными на заборе посольств баннерами. Кроме того, московские анархисты начали проводить акции против тотального наблюдения, уничтожая камеры наружного наблюдения на улицах. В общем, шалости, но люди через них серьёзно вовлекались.

Летом всё стало напоминать снежный ком. Мы объявили несколько недель общих действий. Так, например, в июле 2017 года были проведены небольшие кампании в поддержку политзаключенных, обвиняемых в насилии против полиции на акциях оппозиции, и в поддержку заключенных в Гамбурге за участие в протестах против G20. В начале июля в немецкий город Гамбург съехались мировые лидеры для участия в саммите, где сильные мира

активистской сети. Получается конвейер активистов, со временем всё больше переходящий на самопроизводство.

И это дало потрясающие результаты, на которые мы и не рассчитывали. Если поначалу в активистской сети участвовало всего три города, то уже через год здесь была огромная сеть, а акции публиковались ежедневно. Охват деятельности был что-то около полусотни городов только в России (а нам приходили отчёты теперь также из Казахстана, Беларуси и Украины). Всего за год из не слишком большой организации мы создали масштабное движение, в котором мне теперь даже не приходилось контролировать всё – люди действовали сами, проекты жили теперь независимо от меня. Даже в Москве я мог теперь переложить многие обязанности на участников организации, поднаторевших в организации акционистской волны, и заняться организацией движения на уровне всей страны. Казалось, что извечная проблема фюрерства анархистов, проблема раздробленности, наконец, решена. В какой-то момент нам удалось консолидировать вокруг себя большинство действующих групп и создать множество новых.

котёнок был нормальным, и пользовался лотком по назначению. Но это было бесполезно, так как потом в этот же лоток забирался тупой кролик, и раскидывал широкими взмахами лап его содержимое по всей квартире. Мы были немного шокированы такой картиной, и нам пришлось вести профилактические беседы с молодыми ребятами, которые уверяли нас, что животные – это их друзья, часть их политики и вообще энимал либерейшен. К счастью, профилактические беседы сыграли свою роль, ребята образумились и вскоре армия животных из квартиры исчезла. Но это не решило всех проблем – между живущими здесь ребятами постоянно возникали какие-то конфликты, на почве личной неприязни или субкультурных разборок в духе веганы против мясоедов. Приходилось ездить на квартиру уже затем, чтобы разбираться во всех этих конфликтах, на что времени тоже особо не было.

В принципе, с этой проблемой мы сталкивались ещё при защите общежитий. Там, где становилось слишком много субкультурных ребят, всё превращалось в какой-то притон. Мы рассматривали подобные места как территорию классового конфликта, где люди набирались опыта, где оформлялась структура движения, где новые люди вовлекались в анархистскую деятельность. Сами общежития и обороняемые квартиры использовались как помещения для нужд движения. Там возникали социальные центры, вписывались иногородние товарищи и т.д.

Субкультурщики же видели просто весёлую тусовку. Среди субкультурных ребят тоже было много достойных людей, и некоторые из них вполне искренне интересовались анархизмом и вовлекались через такие квартиры в политический активизм. Но для большинства мотивы были сугубо корыстные – найти вписку, потусить, получить бесплатное жильё. И им плевать, как это будет выглядеть – для них вопрос развития движения не стоит.

Всё превращалось в притон – обоссанные животными полы, разрисованные стены и т.д. Поэтому, конечно, довольно быстро мы изменили свою политику привлечения людей. Приходилось тщательнее отбирать дежурных и контролировать происходящее в квартирах – нужно было всё время быть на связи с хозяевами квартир, с дежурящими там ребятами, а в идеале ещё и обеспечивать присутствие наших ребят в каждой из квартир.

Заселяясь, они просто ждали появления рейдеров, после чего вызывали нас. Мы же собирали товарищей и приезжали на место большим отрядом карать злодеев.

В случае, если рейдеры уже заселились в квартиру и терроризировали местных жителей, то наше появление полностью переворачивало ситуацию. Теперь анархисты начинали терроризировать рейдеров, что заселились туда, чтобы терроризировать жильцов квартиры.

Рейдеры, несмотря на свои откровенно насильственные методы, нередко действовали сообща с ментами. Некоторые наиболее подлые банды после каждого своего нападения обращались к полиции и жаловались, что это на них напали. В этих случаях спасала видеофиксация всего происходящего – мы никогда первые не применяли насилие против бандитов, но всегда охотно отвечали им. Иногда, мы действовали на упреждение. Например, после столкновения с рейдерами заранее фиксировали повреждения. К тому времени, как рейдеры возвращались с ментами, которым уже накатали жалобу на побои, у ребят уже была справка из медпункта о полученных повреждениях. Пострадавшими в этой ситуации юридически выходили мы, но мы никогда не писали заявлений. Те уходили ни с чем.

Информация о нас распространялась, в основном, по сарафанному радио. Федеральные телеканалы были заинтересованы в съёмке телепередач о мошенниках и рейдерах, и неоднократно выходили на нас с предложениями.

Поэтому тогда, в 2012 году, когда у анархистов уже были известность и большое количество опытных активистов, мы объясняли бесперспективность дальнейшего занятия акционизмом. Сейчас, говорили мы, необходимо развивать инфраструктуру, социальные проекты и т.д. К сожалению, большинство опытных активистов вместо этого ушли в какие-то кооперативы, спорт, веганские и феминистские движухи, или вовсе занялись семьёй и карьерой.

Но за пять лет сменилось целое поколение, и большое количество новых анархистов совершенно не имели никакого опыта. Для них школа акционизма была необходимой. Тем более, что теперь мы имели сильное медиа, служащее рупором, и работающие социальные проекты, куда можно было «переводить» прокачавшихся в акционизме ребят. Потому в начале 2017 года мы решили, что современному анархизму необходима новая акционистская волна.

Схема была проста. Мы проводим акции, и пропагандируем их через наши медиаресурсы. Время от времени объявляем недели общих действий, в рамках которых призываем всех к активности. Те группы, что регулярно присылают нам отчёты, мы, со временем, включаем в активистскую сеть, созданную вокруг «Социального Движения». Также всех новых людей мы задействуем постоянно в акционистской деятельности, чтобы они с головой вовлекались в коллектив. Со временем, мы начинаем подписывать их не просто в качестве участников, но даём небольшие поручения. Изготовить трафарет, потом баннер, потом самостоятельно организовать и провести акцию. Сперва попроще, потом сложнее. Уже через полгода мы имеем вместо новичка опытного активиста, которому поручаем проделать ту же самую работу с новыми людьми. Теперь он приобретает опыт и в организации группы. После этого мы подтягиваем его уже в саму организацию, где он занимается какими-либо социальными проектами, медиа, или организацией

массовка, но активные действующие люди, готовые стать активистами и организаторами.

Тогда и стало очевидно, что нужна простая альтернатива, в которую смогут вовлекаться те, кто не может сразу заняться социальными проектами. Эта деятельность должна воспитывать организаторские навыки в людях, чтобы, начав заниматься чем-то простым, они, со временем, приобрели бы достаточно опыта, чтобы перейти к чему-то более сложному. Кроме того, в ходе такой деятельности должны складываться новые группы, вовлекаться новые участники.

Выход был найден в акционизме. Во времена КЧБ мы начали с критики акционизма. Вывешивания баннеров, граффити, пикеты – тогда это было неактуально. Анархисты занимались этим уже целое десятилетие, и актуальность акционизма, очевидно, на тот момент была под вопросом. Ведь зачем нужен акционизм? Уличные акции сами по себе не являются какой-то борьбой с системой. С одной стороны, это яркий инфоповод для привлечения внимания к какой-либо проблеме и движению. Это реклама радикальных движений для пассионарных людей. А с другой стороны – это «школа активизма», в ходе которой активисты приобретают определенные организаторские навыки, учатся адекватно действовать в стрёмных ситуациях, совладевать с адреналином в довольно безопасных условиях.

То есть акционизм нужен для рекламы движения и создания активистской базы. Но если заниматься акционизмом всё время, то этот эффект проходит. Одни и те же акции, ранее бывшие яркими и интересными, уже приедаются, становятся обыденными, и более не привлекают новых людей. А старые люди, увидев всю практическую бесполезность акционизма, разочаровываются и уходят.

Предлагали высылать на наши рейды съёмочные группы, наладить постоянное сотрудничество. Думаю, это очень хорошо помогло бы нам в развитии проекта. Однако мы понимали, что эти федеральные телеканалы сотрудничают с полицией. И все кадры с рейдов вместе с лицами участников через этих журналистов окажутся у сотрудников центра «Э».

Оппозиционные же журналисты, близкие к анархистам, принципиально не писали о нас. Журналистская около-анархистская тусовка была завязана вокруг «Анархистского Действия» и феминисток, которые вовсю призывали к нашему бойкоту. Иногда они могли делать репортажи о нашей деятельности и проблемах, с которыми мы боремся – не упоминая при этом о нас самих. Такое сектантство, конечно, сильно вредило общему делу. Пока мы боролись с бандитами, эти люди продолжали бороться с нами.

Тем не менее, добрыми делами, вопреки известной поговорке, прославиться можно. О нас шла хорошая молва, и вот уже нам начали писать сами москвичи, столкнувшиеся с рейдерами. Мы принципиально оказывали помощь только тем людям, которые защищали своё жильё. Мы отказывались, когда нас пытались позвать на защиту каких-то бизнес владений, или «лишних» квартир, которые не используются в качестве жилья, а будут в будущем сдаваться в аренду. Ведь в этом случае мы были бы ничем не лучше тех самых рейдеров. И мы и они рубились бы за финансовые интересы определенных сторон. Но именно эта этическая составляющая и отличала нас, что мы защищали жильё граждан и противостояли бандитам и их насилию, в то время как они рубились за бабки, за прибыль. С юридической же точки зрения они имели те же самые права.

Вскоре о нас знали, кажется, все банды рейдеров. Даже после того, как ФСБ загнало нас в подполье, и совершенно

другие ребята продолжили наше дело, рейдеры (даже те, что никогда не сталкивались с нами) по привычке называли их «Соцдвижем», а ФСБ проводило рейды среди них в поисках людей, связанных с нами.

В результате, мы получили много весёлых историй, адреналина, полезного опыта, помещения для движения и новых участников, привлеченных такой благородной деятельностью. Мы долгое время пытались распространить подобную деятельность и среди иных анархистских коллективов. Однако начинающим группам, не обладающим значительным опытом, достаточным количеством участников и физической подготовкой это было невозможно даже в крупных городах. В провинции же, где анархистские группы зачастую могли представлять из себя трёх подростков, такая деятельность вовсе была для них недоступной.

К началу 2017 года анархизм был мёртвым болотом, где не происходило вообще ничего. Никто не знал, что делать, да и не хотел уже – все были во всём разочарованы. Единственной действующей организацией анархистов было «Социальное Движение». А единственная деятельность анархистов – собственно та, которой мы занимались, наши социальные проекты.

Проблема здесь, как отмечалось выше, заключалась в том, что такая деятельность была довольно сложной для других анархистов. Никто, кроме нас, так и не сумел успешно вести её на регулярной основе, хотя попытки предпринимались во множестве городов. Даже продемонстрировав на своём примере, что бороться с криминалом возможно, мы не смогли научить людей организовывать такую деятельность эффективно.

Со временем стало сложно проводить и какие-либо открытые мероприятия. Их начала накрывать полиция, и нам пришлось постараться, чтобы никого на них не задержали. Власти также стали отказывать в проведении демонстраций и митингов. Хотя мы уже и сами успели разочароваться в этом формате. Организация каждого марша требовала множества усилий, что никак себя не оправдывали. Пара сотен ребят в модных одеждах под радикальными лозунгами собирались пройти под полицейским кордоном из точки А в точку В. По пути они громко грозились разогнать полицию, уничтожить капитализм и государство... и по окончании шествия расходились до следующего раза. Большинство этих людей не было видно во время борьбы с бандитами, в каких-либо проектах. Вся их деятельность ограничивалась парой демонстраций в год. Сами демонстрации давно превратились в спектакль для радикальной молодёжи. По итогу же – ничего, кроме красивых фото-чек в социальных сетях. Нам нужна была не пассивная

**Возрождение
акционизма**

**Минздрав не
предупреждает!**

— Минздрав не предупреждает! Что идёт сокращение медиков, и медики, соответственно, нас нормально обслуживать не смогут.

Товарищ стоит с плакатом у входа в одну из московских клиник. Вокруг него образуется толпа – преимущественно, пенсионеры, но видна и молодёжь. Люди подходят по одному, парами, и вскоре всё начинает напоминать несанкционированный митинг.

— Итак уже дурдом, развод в какой раз... – вздыхает старушка.

— Надо объединяться – ходить к главврачу, давить на Минздрав, чтобы беспредел этот прекратили... Им не выгодно, чтобы было много врачей, не выгодно много больниц. А выгодно, чтобы было много денег. А чтобы было много денег, нужно сократить врачей и сократить медучреждения.

— У вас есть сайт?

— Да, у нас есть сайт, «Социальное Движение», адрес здесь на плакате написан.

— Что нужно делать? Чтобы вести эту борьбу за права врачей?

— Нужно, в первую очередь, компостировать мозги главврачу, чтобы они не давили на врачей. Давить на Минздрав, поддерживать врачей. Например, вы сходили на приём к врачу, вы сходите после к главврачу и спросите, почему мы вынуждены – мы и врачи – мы вынуждены при таких условиях существовать? Врачи не могут нормально работать, следовательно они не могут нормально нас лечить. Мы все здесь в одной повозке – простые врачи и простые люди, простые пациенты...

Глядя на толпу вокруг товарища, ещё раз по-хорошему позавидовал его уверенности и харизме. Идём с другими товарищами в саму клинику. Обходим этаж за этажом,

мально раздавленными – залили сами себя газом, насрали себе в штаны, а теперь их ещё и полиция забирает, которую они же сами и вызвали.

Меня везут в травмпункт. Получаю справку о повреждении сетчатки глаза, с которой меня отвозят в местное ОВД. Это важно – теперь заява мошенников голословна, так как пострадавшие с нашей стороны. В ответ на их заявление пишу объяснительную. Пришёл устраиваться на работу по объявлению. Поднимаюсь в офис, там стоят люди, ругаются друг с другом. Тут сотрудники конторы достают газовые баллончики и поливают перцовым газом недовольных клиентов – и меня в том числе.

Меня отпускают, кидал оставляют в отделении. Предупреждали же их – не вызывайте полицию, не пишите заявление... Идиоты.

На выходе уже собираются наши ребята. Подхожу к ним. Следом выходят опера. – Ребят, тут какое дело. Можете помочь нам? Очень нужны понятия.

Нам же понятиями у мусоров выступать запаadlo.

— Не, мы в баню собираемся, нас там подруги ждут, шашлыки, пивас. – Ну это быстро, займёт совсем немного времени... – Не, мы не хотим.

— Ну смотрите, мы же пока по-хорошему просим.

— А нам что по-хорошему, что по-плохому – не хотим и не будем.

Разочарованные опера идут искать понятых в другом месте.

По факту проверки заявления мошенников, выдаётся ответ, что состава преступления не обнаружено, решайте проблемы в гражданском суде, пожалуйста. Ну, на это мы и рассчитывали. Ни в какой суд, понятное дело, мы не пойдём.

к земле. Мразь в неадекватном состоянии проваливается в снегу до приезда полиции.

Офис, тем временем, проветрен, и мы вваливаемся внутрь. К сожалению, вершить расправу уже не над кем. Здоровяк-охранник заперся от нас в каморке. Мужики из руководства конторы заперлись в отдельном кабинете. В основном помещении остаются только пятидесятилетние тётушки-мошенницы. И не пойдёшь же выбивать двери в запертые кабинеты, чтобы вытащить охрану и руководство – за такие угары в наши времена сразу уедешь. Приходится беседовать с тётушками.

Одна внезапно начинает распускать руки, пытается выхватить телефон из рук нашей соратницы, осуществляющей съёмку. Приходится немного её успокоить и поучить хорошим манерам, объяснив, что руки распускать не надо.

Они уже вызвали ментов. – Вы понимаете, что зря полицию вызвали? Это дело ваше, конечно, мы сами хотели бы без полиции разобраться. Но если полиция приедет, то вас же и заберут, вы понимаете?

Не верят. Хотя, кажется, в следствии стресса они потеряли способность здраво анализировать ситуацию. Они в панике, и продолжению общения с нами предпочтут, кажется, чтобы их забрала полиция. Окей, вызывайте полицию, как хотите.

Мусора приезжают в неприличном количестве. Какие-то опера в штатском. Медбригада. Мошенники сразу кидаются к ним с жалобами. Обвиняют нас, что мы ворвались в офис, говорят, что я кого-то избил. Только вот проблема в том, что, когда охранник распылял газ, я стоял прямо перед ним. У меня повреждение сетчатки, я сразу обращаюсь с этим к приехавшим с полицией врачам. Они направляют меня в травмпункт. Мошенников выводят под конвоем, проводят сквозь коридор из наших ребят, продолжающих психологическое давление на эту мразоту. Выглядят макси-

оставляя всюду листовки о последствиях медицинской реформы.

К нам обратились ребята из профсоюзов. Попросили поддержать медиков, бастующих против медицинской реформы. Новая реформа вводит какие-то неприличные стандарты для врачей, отводя им по несколько минут на обслуживание каждого пациента. Что может сделать врач за пару минут? В знак протеста в нескольких клиниках объявили «итальянскую забастовку» – работу строго по нормативам. Нормативы же таковы, что, если их соблюдать, работа заведения окажется парализованной. Что и происходит. Нас просят о поддержке – ну а мы всегда легко срываемся на такие мероприятия.

Когда мы уже направляемся к выходу, на первом этаже нас догоняет администрация больницы с охраной.

— Кто вам разрешает распространять эту агитацию?

— Я сам себе разрешил.

— Постойте, не уходите молодые люди.

Встают у нас на пути. Мы обходим их, идём ко входу, где толпится огромное число пациентов. Здесь все видят нашу дискуссию с администрацией, в неё втягиваются какие-то старушки, активно нас поддерживают. Охрана вызывает полицию, мы спокойно выходим. Меняем с товарищем у входа – беру плакат, встаю перед входом. Мимо проходят заканчивающие смену медработницы. Благодарят за поддержку.

Наконец, приезжает полиция. – Что здесь происходит?

— Митинг, несанкционированный! Листовки раздают! С плакатом стоят! – махают руками охранники.

— Ну да, раздаём листовки, законом не запрещено. С плакатом стою я один, одиночный пикет никакого согласования не требует, его может проводить любой гражданин.

— А по какому поводу пикетируете?

— По поводу медицинской реформы. Сейчас власти проводят реформы, которые вводят какие-то нереальные нормативы работы для врачей. Выделяют им несколько минут на каждого пациента. Так же работать невозможно!

Вспоминаю, что у ментов тоже проводятся какие-то реформы. Подумав, добавляю:

— Это же у всех бюджетников происходят. Кажется, даже в полиции, вы сами знаете.

— А вы тут при чём? Вы медработник?

— Нет, я пользуюсь их услугами. Если я завтра заболею и приду к врачу, он мне просто не сможет оказать квалифицированную помощь.

— А вы в это медучреждение ходите? Почему у него пикетируете?

— А я у всех пикетирую, по очереди. Проблема глобальная, вот и нужно не только своим медучреждением ограничиваться.

Мусора шепчутся между собой:

— А ведь у нас тоже самое будет. Ребята, наверное, и нас поддержат, когда реформа до нас дойдёт.

Ага, конечно. Делать нам нечего, мусоров поддерживать. Впрочем, благоразумно умалчиваю об этом своём важном мнении.

Мусора вызывают на место другой экипаж. Приезжают совсем молодые менты. Старые уезжают. Молодые стоят, наблюдают. Мы принципиально решаем дождаться ухода ментов. Проходит час... Молодой мент подходит.

— Простите, а вы долго тут будете стоять?

— Ну я решил стоять тут, пока вы не уедете. В противном случае охрана же будет вызывать вас каждый раз, когда мы будем приходить. А мы будем приходить каждый день. Оно вам надо?

— Эх, а нам сказали стоять тут и ждать, пока вы не закончите пикетирование...

двери офиса, наши ребята скрываются ниже, у входа. Кинутая парочка звонит в дверь. Дверь открывается, я влетаю внутрь...

Влетаю в охранника – огромный шкаф два на два метра, загораживает собою весь коридор. Когда врезаешься в такое – решимость как-то убавляется. Но вот за мной врывается Хэнк. За ним – ещё три десятка наших ребят. Мною, как тараном, просто выносят эту здоровенную детину. Охранник, видимо, не очень блещет умом, а потому не придумал ничего лучше, чем начать поливать нас газом из баллончика. В помещении.

Вываливаемся в подъезд, удерживая двери – офис скоро проветрится, и мы сможем зайти обратно. А вот кидалы будут вынуждены дышать собственным газом, и к нашему возвращению будут совсем готовые. Идиоты сделали всю работу за нас. Впрочем, заглядываю в офис ещё раз – наиболее горячие головы повисли на охраннике. Кричим, что пора выходить. Наконец, все на выходе. Из офиса раздаются какие-то адские крики страдания – мошенники явно не привыкли к перцовому газу.

Первая пошла. Из газовой камеры вылетает тётушка-мошенница. Визжа, держится за лицо. С разбегу врезается в стену подъезда, от чего начинает визжать ещё сильнее. Кто-то хватает её за руку. Её истерика усиливается.

— Да отпусти её, пусть побежит.

Мошенницу отпускают. Она разворачивается, бежит... и бьётся о другую стену. Вопль усиливается. С третьей попытки ей удаётся взять нужное направление и выбежать из подъезда. На улице она спотыкается об огромный сугроб и заваливается в него. Сугроб окружает группа молодых скинов, угарающих с кидалы. В этот момент она достигает финиша, обдывая свои штаны. Появляется характерный запах, и подозрительная куча в её штанах оттягивает их

– молодые анархисты, пара старых антифашистов, сочувствующие нам скины, и молодёжь из КЧБ. Солидный состав.

Ещё только выходя из метро, слышу обрывки очередного рассказа Хэнка. Хэнк – здоровенный парень, не очень ответственный и дисциплинированный, пьющий и маргинальный, но вместе с тем спортивный и боевой товарищ. Его громоподобный глас слышно издалека.

— ...и она меня спрашивает: «а почему ты всегда бьёшь тех, кто слабее тебя?»...

Вот мы выходим наружу, и перед нами предстаёт этот здоровый детина, победно изрекающий после короткой паузы:

— ...а я отвечаю: «а кого мне ещё бить? Большинство людей слабее меня!».

Самодовольный смех.

— Станный вопрос. Разве если ты кого-то побил, не значит ли это, что он слабее тебя? Как можно побить того, кто сильнее? Если ты его побил, то он, очевидно, не сильнее.

— О, здорова! Ну ты то, мне кажется, вообще не будешь с этим заморачиваться. У тебя вон даже внешность такая маниакальная.

— В смысле, маниакальная? – не понимаю я намёка.

— В прямом, ты выглядишь как... Знаешь, ты всем своим видом как будто говоришь: «Я люблю свою семью, детей и резать людей» – довольно смеётся Хэнк.

— Ага, ладно, ладно. Двинули, может?

Разбиваемся на небольшие группы, чтобы не привлекать внимания, и ведём людей к конторе, расположенной в подъезде одного из жилых домов. Оставляем у входа одного из скинов стоять одиночным пикетом с плакатом, предупреждающим о кидалове, сами же входим внутрь. Действуем по обговоренному плану – я встаю справа от

Плохо. Из принципа постояли ещё полчаса, после чего свернули пикет и отправились на следующий объект. В эти дни мы регулярно будем навещать клиники.

Рейдеры из Перми

Завтра идём в гости к очередным ублюдкам. Ещё одна контора, маскирующаяся под кадровое агентство. На нас вышла кинутая ими семейная пара. В интернете увидели видео с одного из наших рейдов, и решили написать нам. Договорились с ними сходить и решить проблему.

Одно из правил организатора – написанное в общие чаты не написано никому конкретно. Каждый воспримет это, как обращённое к другим. Поэтому давно взял за основу – организовывая мероприятие, пиши и в закрытые координационные чаты, и каждому человеку лично. Это скорее побудит человека откликнуться. Это довольно проблемно – я на работе, а у нас под сотню ребят. Но я давно уяснил, что левые делятся на два вида. На леваков – и они унтера. И на анархистов – и они распиздяи.

Наконец, наступает следующий день, на часах 11:00. Мы с группой товарищей на станции, перенаправляем прибывающих на выход...

Знаете, московское метро, всё-таки – одно из красивейших в мире. Каждая станция – произведение искусства. Метрополитен в Париже – уродливый, грязный. Небольшие одинаковые станции, выглядящие просто как подземный тоннель с установленной бетонной платформой. На проходе развалились бездомные, всюду пахнет мочой. Культурные французы при нужде просто встают в углу и справляют малую нужду прямо здесь. Вы бы видели парижские станции после реставрации – бесцветные бетонные полы, такие же стены. Из пола торчит металлический штырь... Московский метрополитен не таков. Московские станции – это подземные дворцы, которые правильнее сравнивать не с парижским метрополитеном, но с Лувром или Версалем. Что ни станция, то шедевр... Поднимаемся с подземных залов в морозное зимнее утро. Наших уже человек тридцать. Костяк – мы, группа старых товарищей, уже давно занимающаяся такими уграми. Помимо нас

В гостях у кидал

Закрытый московский дворик. Здесь мы встречаемся с бандой квартирных рейдеров – несколько дней назад они позвали нас на переговоры. Все квартирные рейдеры, в принципе – конченные ублюдки. Но эти ребята уж совсем себя не уважают. Какие-то бандиты из Перми, а ведут себя... ну, запахло так должно быть вести себя преступникам.

Когда мы в первый раз ворвались в квартиру, удерживаемую этой бандой, там находился рейдер Роман. Он вальяжно развалился в одной из комнат на кровати, залипал в телефоне. И был очень удивлён толпе ребят, ворвавшихся к нему в комнату. Долго орал с просьбой ударить его, чтобы написать затем заявление в полицию. Ну, я бы с радостью ударил его, но понимал, зачем он хочет, чтобы его ударили, а потому отвечал ему – нет, ударь ты меня. В итоге он просто сбежал из квартиры. Во дворе его поделушки поставили ему фингал, с которым он сразу же пошёл к участковому. К счастью, мы фиксировали всё происходящее. Потому участковый, взглянув на видео, и увидев, что никто Романа не бьёт, спросил его «ты ебанутый чтоль?». И ушёл.

Вселили в квартиру наших ребят. Теперь уже они не давали Роману покоя. Мы же разжились помещением в центре Москвы. Постоянно тусили здесь, играли в настольные игры, вписывали ребят. Было здорово. Роман ещё какое-то время вёл себя агрессивно – пришлось осадить его уже довольно грубыми методами. Конечно, эта мразь сразу побежала в ментовку. Также с нулевым успехом – к приезду мусоров у ребят уже была справка из травмпункта.

Наконец, Роман понял, что наша бригада покруче их банды, и начал пытаться переманить нас в свой бизнес. Предлагал работать вместе. Естественно, мы отказались. Даже если мы решили бы заниматься криминалом, зачем нам нужны были эти лохи?

И вот, теперь он звонит, предлагает встретиться. Окей.

Выходов во дворике немного, и мы сразу их перекрываем. Выходят группы наших ребят, встают в каждом из проходов.

Рейдеры начинают нервничать. Товарищ подходит к ним. – Ну, о чём хотели поговорить?

– Надо нам как-то в мире жить...

– Да, конечно. А зачем вы мужика терроризируете, жильё у него отнимаете?

– Да он гандон. Вы не видите, что он вас использует?

Разговор ни о чём. Товарищ самодовольно кивает на группки наших ребят, оцепивших двор. – Вот мы молодняк пригнали. Но это ерунда, если захотим, по звонку более серьёзных ребят вызвоним.

Товарищ выглядит очень уверенным, говорит просто. По нему видно, что говорит правду.

Рейдеры жмутся. Неуверенно и фальшиво отвечают:

– Мы же тоже можем вызвать серьёзных ребят. Но мы хотим о мире договориться...

После разговора идут в ближайший ОВД. Пишут заявление, что мы вызвали их на встречу, где угрожали.

Наверное, если бы мы хотели, могли бы уже сколотить банду и поднимать бабло на криминале. Между собой мы шутили, что пока боремся с бандитами, просто изучаем их методы, мошеннические схемы. А через какое-то время можно будет применять на практике. В принципе, мы были не против криминала самого по себе. Эти ублюдки вызывали в нас ненависть потому, что они наживались на самых слабых и беззащитных, на тех, у кого итак ничего нет.

– Хули вы делаете, вы бедных грабите, неимущих! Бедный бедного не грабь, бедный грабь богатого! Грабили бы вы буржуев охуевших, слова бы вам не сказали – говорили мы зачастую этим подонкам. Они, конечно, нас не понимали. В их мире всё было наоборот – сильный жрёт слабого,

лохи для того и нужны, чтобы обеспечить сытую жизнь богатым. В этой разнице в понимании мира и пролегла линия.